

В. Г. Сибирцева

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

МЕССИАДА И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛОПШТОКА В РОССИИ: НЕПРОСТОЙ ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ

В представленной статье анализируется зависимость рецепции произведений Ф. Г. Клопштока от времени появления их переводов на русский язык. Имя Клопштока, выдающегося немецкого поэта-сентименталиста XVIII в., было известно современникам и ближайшим потомкам, при этом его эпопея *Мессиада* и лирика переводились довольно скудно. В ходе анализа выясняется, что Клопшток попадает в ситуацию несвоевременной встречи с читателем, обусловленной различными факторами, в частности, цензурой и популярностью других жанров. Однако спустя почти полвека после того, как в 20-х гг. XIX в. интерес русского читателя к Клопштоку угасает, издается новый стихотворный перевод его религиозной эпопеи, автором которого является С. И. Писарев, дядя известного критика Д. И. Писарева. В статье систематизируется и уточняется информация об авторе перевода, а также выявляются причины отсутствия рецензий на перевод. На основе сопоставления переводов В. А. Жуковского и С. И. Писарева и представленных фактов о невнимательном чтении труда Писарева даже в ученых кругах делается вывод о своеобразии ситуации, в которой оказалось творчество Клопштока в России. Немецкий поэт становится автором, имя которого включено в число обязательных для образовательных учреждений, он безоговорочно признается великим. При этом в мемуарах и воспоминаниях известных личностей XIX в. фиксируются записи, в которых авторы с сожалением пишут о трудности текстов Клопштока и скуке, охватывающей учеников и студентов при чтении его произведений. Клопшток в России становится поэтом, обретшим, по выражению И. Н. Розанова, «книжное бессмертие», когда причисление автора к великим соседствует с незнанием его произведений.

Ключевые слова: Клопшток; сентиментализм; *Мессиада*; Сергей Писарев; *Потерянный рай*

1. Введение

Литературная судьба художественного произведения во многом зависит от того, насколько своевременно произошла его

встреча с читателем. Для произведений иной культуры, которые в различные эпохи оказали влияние на русскую литературу, эта своевременность может определяться разрывом в публикации оригинала и первого перевода на русский язык. И нередко случается так, что популярность писателя или поэта находится в прямой зависимости от момента «знакомства» автора и читателя, принадлежащей к другой культуре. Соответственно, литературная репутация такого автора формируется с учетом исторической и литературной эпохи, когда автор попадает в круг интереса потенциальных читателей.

Немецкий поэт XVIII в. Фридрих Готлиб Клопшток (1724—1803) был ярким представителем сентиментализма; кроме того, он известен тем, что написал религиозную эпопею и патриотическую драматическую трилогию о германцах. Слава его имени в конце XVIII в. не могла обойти Россию. Клопшток фигурирует в рукописях Державина (КОНОНЕНКО 1972), в статьях и художественной прозе Карамзина (КАРАМЗИН 1792; КАРАМЗИН 1985), он переводится Алексеем Кутузовым (КЛОПШТОК 1785), создается впечатление, что его имя буквально на слуху, однако произведения немецкого поэта не становятся общеизвестными. Отчасти это связано с поздним появлением переводов Клопштока на русский язык: образованный читатель знает *Мессиаду* и оды в оригинале на немецком языке, а массовой публике нужны тексты на русском, поэтому у всех переводов Клопштока был долгий и непростой путь в России.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Рецепции Клопштока в России посвящены обзорные статьи современных исследователей, в которых анализируются существующие переводы немецкого поэта на русский язык, ситуации их публикации и критические отзывы о содержании переводов. В подавляющем большинстве случаев литературоведы обращаются к периоду наибольшей популярности Клопштока в России, приходившемуся на 1780—1820 гг. (БОТНИКОВА 1976; МИХАЙЛОВ 2000; ДАНИЛЕВСКИЙ & КОРЕНЕВА 2022).

Статья ставит своей целью выявить связь между временем издания оригинальных произведений Клопштока и появлением их переводов на русский язык. Отдельное место уделяется

единственному полному стихотворному переводу *Мессиады* Сергея Писарева 1868 г., который обычно оказывается за пределами внимания исследователей. Мы сочли необходимым подробно описать ситуацию, в которой оказался труд Писарева и устранить неточности, тиражируемые в современных исследовательских статьях, посвященных рецепции творчества Клопштока в России, поскольку в эпоху стремительного распространения информации любая недостоверность становится правдоподобной, обрастает новыми подробностями и цитируется без ссылки на первоисточник.

Для определения актуальности появления перевода можно взять первые публикации перевода *Потерянного Рая* Дж. Мильтона на русский язык. Именно это произведение вдохновило самого Клопштока на создание религиозной поэмы. О многочисленных переводах *Потерянного рая* подробно пишет А. А. Аникст в предисловии к изданию сочинений Мильтона (АНИКСТ 1982). Поскольку английский язык был мало распространен в России XVIII в., Мильтона сначала переводили с французского перевода Николая-Франсуа Дюпре де Сен-Мора, выполненного в 1729 г. Перевод А. Г. Строганова *Погубленный рай*, получивший распространение в рукописном варианте, был создан в 1745 г. Первый опубликованный перевод появился в 1780 г. и принадлежит архиепископу Амвросию (Серебрянникову). В 1777 г. три первых главы перевел В. Петров (непосредственно с английского языка). Таким образом, даже ко времени публикации перевода архиепископа Амвросия (Серебрянникова) русская публика уже достаточно хорошо знала поэму Мильтона и можно сказать, что путь поэмы к читателю составил от 15 до 50 лет — в разных переводах. Ситуация с вхождением произведений Клопштока в русскую культурную среду складывалась иначе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Немецкая эпопея Клопштока не нуждалась в посредничестве французских переводов и была воспринята в России на волне популярности религиозной поэмы Мильтона. Кроме того, *Мессиада* публиковалась частями (с 1749 по 1774 г.), воодушевляющий прием издания первых трех песен подогревал интерес к продолжению эпопеи. Однако первый перевод эпопеи (она бы-

ла окончена Клопштоком в 1774 г., пик популярности первых песен *Мессиады* в немецкоязычной среде приходится на 1760-е гг.) полностью был издан лишь в 1820 г. Публикацию на русском языке первых десяти песен эпопеи (переводчик А. М. Кутузов) в 1787 г. постигла неудача: тираж был изъят из книжных лавок, что мотивировалось ужесточением правил печати светских книг, в которых присутствовало религиозное содержание. За предписанием Священного синода, обязывавшего продавать такие книги только после церковной цензуры, скрывались гонения Екатерины II на Н. И. Новикова и его просветительскую деятельность. *Мессиада* хорошо вписывалась в востребованные переводы религиозно-дидактической литературы, популярной в последней четверти XVIII в. (Э. Юнг, Б. Паскаль, И. Я. Эберт и др.). Немного позднее, во время Отечественной войны 1812 года, картины битв в Мессиаде могли служить метафорической отсылкой к победам русского воинства; именно этой цели служили переводы А. Урываева, напечатанные в «Друге юношества» (УРЫВАЕВ 1812). К 1820 г., когда печать прозаического перевода Кутузова, законченного, вероятно, Карамзиным (ПИСЬМА 1866) была дозволена цензурой, религиозная эпопея Клопштока окончательно выпала из исторического контекста и издание перевода стало лишь фактом истории литературы.

Сентиментальные оды Клопштока также были известны в узком кругу. Об этом свидетельствует ошибка в первом переводе *Страданий молодого Вертера* И. В. фон Гете, напечатанном на родине немецкого писателя в 1774 г. Впервые *Вертер* издан в России в 1781 г. без указания автора перевода — Ф. А. Галченкова, ошибка повторилась и во втором издании 1792 г. Гете упоминает Клопштока в сцене перед раскрытым окном: его имя произносит Лотта. В момент душевной близости Лотта и Вертер без слов понимают друг друга, и оба вспоминают оду Клопштока *Весеннее празднество*. О том, что русский переводчик *Вертера*, не знакомый с творчеством Клопштока, неверно передал содержание данного фрагмента, заменив имя немецкого поэта на карточную игру «Короли», позднее написал В. А. Жуковский. Ошибка, допущенная Галченковым в первом переводе *Вертера* Гете, была исправлена лишь в последующих переводах, выполненных другими авторами.

Клопшток становится парадоксальным автором: его имя известно, но произведения не попадают в круг активного чтения русской публики. Так, Клопшток косвенно присутствует в сентиментальных повестях русских авторов, хотя это присутствие не всегда замечается современниками. В 1789 г. Карамзин пишет повесть *Евгений и Юлия*, главная героиня которой на домашнем вечере исполняет песню «Явись к нам, серебряный месяц». Песня, «к которой музыку сочинил кавалер Глук, ей отменно полюбилась. Никогда не могла она без сердечного размягчения петь последней строфы, в которой Глук так искусно согласил тоны с чувствами великого поэта», — Клопштока (КАРАМЗИН 1789). Поэма С. С. Боброва *Херсонида* (1804 г.) написана под влиянием *Мессиады*, на что указывает историк литературы В. Л. Коровин (БОБРОВ 2008). Можно заметить, что произведения самого Клопштока, если считать от времени, когда он находился в зените славы как создатель первых песен *Мессиады* и сентиментальных гимнов (ок. 1750/1770 гг.), добирались до русского читателя не менее 35 лет, что для рубежа XVIII—XIX вв. уже было недопустимо долго.

Популярными в России оказываются современники Клопштока, произведения которых переводятся быстрее и не утрачивают актуальности и свежести восприятия.

Так, переводы прозаических произведений французских и немецких авторов значительно опережают сентиментальные оды Клопштока в переложении на русский язык. В монографии о переводном наследии Карамзина, написанной специалистом по русско-немецким и русско-французским литературным связям О. Б. Кафановой, мы читаем, что Карамзин первым начал активно знакомить русскую публику с нравоучительно-сентиментальными произведениями французских авторов; он пересказывал в журнале «Детское чтение для сердца и разума» сочинения С. Ф. Жанлис. Кроме того, в конце XVIII в. в «Московском журнале» публиковались вольные переводы из Х. Ф. Вейсе и Мармонтеля, также выполненные Карамзиным (КАФАНОВА 2020).

Еще более читаемой, чем чувствительные повести, долгое время оставалась литература, воспитывающая нравы. В 1770—1780 гг. в России, как пишет Р. Ю. Данилевский в статье о гер-

мано-русских связях XVIII в., интенсивно переводился Виланд, который являлся «наиболее крупной литературной фигурой Германии». Виланд «прошел в своем творчестве все этапы немецкого Просвещения — от швейцарско-немецкого пиетизма и нравоучительной поэзии 1740-х до усвоения преромантических тенденций 1780-х» (ДАНИЛЕВСКИЙ 2008: 53).

Неудивительно, что перевод оды Клопштока *Бог в буре* мы находим лишь в приложении к дидактической поэме П. И. Уца *Новая наука наслаждаться жизнью*. Издатель, переводчик и публицист П. В. Победоносцев в предваряющем поэму Уца подзаголовке демонстрирует читателям расстановку приоритетов: «С присовокуплением лучших сочинений барона де-Кронекка, Галлера, Крамера, Клопштока, Виланда и Клейста, славнейших немецких писателей» (Уц 1799). Соотношение нравоучительной поэмы Уца и единичных присовокупленных — сентиментальных — сочинений других поэтов, в числе которых оказывается Клопшток, говорит о том, что чувствительные оды в стихах не получили широкого распространения в России на рубеже веков.

Между тем, гекзаметр, созданный Клопштоком для немецкого языка, вызывал интерес и у русских писателей. О возможностях немецкого гекзаметра в сопоставлении с русским стихосложением (*Телемахиду* «читая стопами слов по Клопштокову наставлению») много размышлял А. Н. Радищев; это отразилось, в частности, на комментариях к *Телемахиде* В. К. Тредиаковского, в очерке *Памятник дактилохорейческому витязю* (РАДИЩЕВ 1941). В юности, в конце 1740-х гг., Радищев вместе с А. М. Кутузовым был отправлен на обучение в Лейпциг и имел возможность познакомиться с буквально только что опубликованными первыми тремя песнями *Мессиады*, которая произвела на него большое впечатление. Но воплотиться на бумаге размышления о стихосложении смогли только в 1801 г., а опубликован трактат был спустя десять лет в *Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева* (ч. IV). «Апология» (главы 5 и 6 трактата Радищева), как пишет составитель примечаний к трактату, литературовед и критик Л. В. Пумпянский,

сыграла большую роль в известных спорах о гексаметре (а заодно и о «русском складе»), которые составляют такой важный

эпизод в истории русской поэзии 1810 — 1820 гг. (Востоков, В. Капнист, Гнедич, Уваров и др.). А так как в этих спорах родился новый русский гексаметр XIX в., то «Апология» является связующим звеном между гексаметром Тредиаковского и гексаметром Гнедича — Жуковского (РАДИЩЕВ 1941).

Таким образом, наблюдения над гексаметром Клопштока, высказанные Радищевым, органично вошли в дискуссию о русском гексаметре, однако «за давностью лет» не вызывали живого интереса к *Мессиаде*. Фрагмент второй песни из *Мессиады*, переведенный и опубликованный В. А. Жуковским, окажется одним из самых удачных переложений религиозной эпопеи Клопштока на русский язык, но это будет *Аббадона* Жуковского в большей степени, нежели отрывок из *Мессиады* Клопштока.

Следует констатировать, что творчество Клопштока попало в ситуацию постоянного запаздывания к читателю в России. Если в немецкоязычном пространстве он был ярким представителем поэтического сентиментализма и вдохновлял своими одами молодого Гете, Шиллера и штюрмеров, то первые русские публикации о Клопштоке появились тогда, когда *Вертер* Гете уже вызвал волну литературных откликов и подражательных моделей поведения молодых людей. Перевод первых десяти песен *Мессиады* Клопштока авторства Кутузова не дошел до читателя в 1787 г. из-за цензурных запретов (напомним, что тираж был изъят из книжных лавок), и только в 1820 г. русская читающая публика получила первый полный перевод, одобренный цензурой.

Кроме того, для русского стихосложения, находившегося в процессе активного становления в конце XVIII в., слог самого известного произведения Клопштока, *Мессиады*, представлял дополнительные масштабные трудности. Стиль Клопштока был запутанным и трудным для восприятия даже в оригинале, и новаторские приемы в эпопее и одах (отсутствие рифмы, словное ударение, обилие авторских неологизмов) не нашли приверженцев среди русских переводчиков.

Неудивительно, что к 20-м гг. XIX в. активный интерес к Клопштоку в России угасает. Читают немецких романтиков, а Клопшток становится уважаемым «отцом романтизма» (ПУРИШЕВ 1931), великим эпиком и зачинателем патриотической ли-

тературы — для энциклопедий и хрестоматий по литературе.

Как выдающийся немецкий поэт и эпик уровня Гомера и Мильтона, Клопшток входит в число авторов, рекомендованных к изучению в учебных заведениях Российской империи, но при этом не делается никаких попыток облегчить восприятие его новаторского синтаксиса и экспериментальной лексики. Непонимание и скука — самая частая реакция на необходимость изучать или читать Клопштока. В отличие от хрестоматий и словарей, в мемуарах и письмах в XIX в. о немецком поэте отзывались без почтительных реверансов:

Клопшток туг, 17 песней сбиты с рук, но еще 3 крепятся: и немцы смели хвалить! Дай мне добраться до них, je leur ferai voir du pays* (я им наделаю хлопот (франц.)). Но как мы глупы, повторяя их бредни! (КАТЕНИН 1981: 309-310).

Этот отзыв на чтение *Мессиады* поэта и драматурга П. И. Катенина мы находим только в личной переписке и вновь между строк читается необходимость прочесть великого автора, заслуги которого непонятны, а стиль не укладывается в привычные рамки стихотворства.

Еще более откровенны слова авторов мемуаров, которые были вынуждены познакомиться с Клопштоком в университете. В воспоминаниях П. И. Мельникова-Печерского сохранились сведения о том, как преподавалась зарубежная литература:

Таким образом, на университетских скамьях, мы хорошо ознакомились с древнею литературою и с литературою Востока, но не изучили истории новой европейской словесности, что, конечно, составляло важный пробел в нашем образовании... Пастор Фюррен, как и подобает, впрочем, духовному лицу, целый год читал нам о Клопштоке и его Мессиаде; и я, право, не знаю, на что эти лекции были более похожи: на лекции немецкой литературы или на лекции протестантскаго богословия (УСОВ 1897: 61).

Казалось бы, Клопшток обречен остаться на страницах учебников по истории литературы и в хрестоматиях по немецкому языку (откуда он тоже постепенно вымывается, все реже встречаясь в более поздних переизданиях). В дальнейшем, вплоть до 20-х гг. XX в., рецепция творчества Клопштока в России определялась, в первую очередь, сложившейся литератур-

ной репутацией немецкого поэта: великий отец романтизма, представление о произведениях которого оказывается весьма расплывчатым. В середине XIX в. Клопшток оказался в состоянии, описанным историком литературы В. Н. Розановым как «бессмертие книжное, школьное». В его очерке *Литературные репутации* можно прочесть буквально следующее:

Такое бессмертие может поддерживаться искусственно и без такой поддержки иногда прекращается. Например, мы знаем ряд имен, с которыми знакомимся в школе в обязательных программах, и никогда сами к этим авторам добровольно не возвращаемся (РОЗАНОВ 1990: 82).

С позиции современного исследователя мы можем отметить, что в истории российской рецепции Клопштока фиксируются все шаги восприятия творчества писателя на пути к книжному бессмертию, выделенные Розановым: от восторга перед выразителем новых идей до «забронзовения» имени и последующего перехода в «незаслуженно забытые» авторы.

Но в 1868 г. на фоне повторяющихся замечаний о сложности текста Клопштока, о скуке при чтении его религиозной поэмы и очевидной нелюбви обучающихся к немецкому автору, появляется новый перевод *Мессиады*, выполненный С. И. Писаревым. При попытке найти информацию об авторе перевода и о самом поэтическом переложении *Мессиады* выясняется, что сведения эти отрывочны и нередко неточны. Между тем, нам представляется, что именно в подобных неточностях таится большая опасность для филологического исследования, поскольку в эпоху стремительного распространения информации любая недостоверность становится правдоподобной, обрастает новыми подробностями и цитируется без ссылки на первоисточник. Попробуем систематизировать факты, известные о полном стихотворном переводе *Мессиады* Клопштока.

Согласно данным энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890—1907 гг.), Сергей Иванович Писарев родился в 1819 г. и происходил из дворянского рода, в его дальних предках значится литовский выходец Семен Писарь, «пожалованный поместьем в Коломенском уезде (1441)» (ЭСБЕ). В роду Писаревых было несколько литераторов. Брат отца Сергея Ивановича —

Ивана Александровича — Александр Александрович Писарев (1780—1848) был попечителем Московского университета, писал сатиры, военно-патриотические оды, а также сочинения, посвященные вопросам искусства, в 1829—1830 гг. был председателем Общества Любителей Российской Словесности. Старший брат самого С. И. Писарева, Александр Иванович Писарев (1803—1828), был талантливым сочинителем водевилей и сатириком. В русской литературе более всех известен племянник С. И. Писарева, Дмитрий Иванович, литературный критик, переводчик и публицист.

Разветвленность рода Писаревых и общая для некоторых литературная деятельность породила комическую неточность, которая тиражируется в современных изданиях: Писарев, переводчик *Мессиады* Клопштока на русский язык, в некоторых источниках называется Степаном Ивановичем (родство с названными выше Писаревыми не подтверждено, годы жизни 1707—1775), который в XVIII в. был переводчиком книг духовного содержания.

Перевод *Мессиады* также может ошибочно приписываться Дмитрию Писареву. Известен факт, породивший указанную неточность: Д. И. Писарев также переводил эпопею Клопштока. В примечаниях к собранию сочинений Д. И. Писарева указывается, что «перевод этой поэмы Клопштока был начат Писаревым вместе с его дядей С. И. Писаревым в мае 1860 г. (ПИСАРЕВ 1956: 564) и дается ссылка на письмо матери Дмитрия Ивановича к Н. А. Некрасову. В письме, в частности, сообщается:

В апреле 1861 года сын мой пожелал поместить куда-нибудь перевод XI песни «Мессияды» сделанный им летом 1860 года. Он отнес свою рукопись в редакцию «Странника», и передал ее г. В. Головину заведовавшему тогда редакцией этого журнала; рукопись эта однако не появилась в печати (ВЕНГЕРОВ 1892: 353).

Таким образом, появляется первая точка отсчета, связанная с поэтическим переложением религиозной поэмы Клопштока на русский язык: С. И. Писарев начал работу над переводом *Мессиады* в 1860 г. Представить в красках работу над переводом нам помогает художественный текст писателя и эссеиста С. А. Лурье *Литератор Писарев* (1979 г.). Сергей Иванович упо-

минается два раза: первый раз во время приезда студента Мити Писарева в фамильное имение Грунец: «Лето шло заведенным порядком. Иван Иванович Писарев гарцевал по полям, брат его Сергей Иванович возился с “Мессиадой” Клопштока, которую затеял перевести» (ЛУРЬЕ 2014: 30). В другой раз описываются события, происходившие пару лет спустя:

Этим летом он [Дмитрий] много читал стихов — и сам сочинял: впервые в жизни взялся за стихотворные переводы. Начал с того, что вызвался помочь Сергею Ивановичу, который все еще бился над «Мессиадой». Митя в какой-нибудь месяц перевел целую песнь — три тысячи стихов, и получилось, по общему мнению домашних, недурно (ЛУРЬЕ 2014: 97).

По всей видимости, в этом отрывке речь идет именно об XI песне, которую Д. И. Писарев хотел опубликовать в «Страннике». Хронологически даты в письме матери Д. И. Писарева и в художественном повествовании Лурье не совпадают, но нам важно именно упоминание Дмитрия Ивановича и Сергея Ивановича в одном контексте, поскольку становится ясна причина приписывания Д. И. Писареву перевода *Мессиады*.

Многолетний переводческий труд С. И. Писарева был напечатан в 1868 г. В традиционном для того времени посвящении августейшему монарху (император Александр II 4 апреля 1866 г. чудом избежал смерти во время покушения Дмитрия Каракозова) автор переложения так мотивирует свою публикацию:

Тогда только дерзнул я подумать, что многолетний труд мой, при всем несовершенстве, может быть посильным выражением и моих искренних чувств; тем более, что содержание великой поэмы, есть высокое мировое событие, лежащее в основе православной веры, как сама вера, есть основание глубокой любви русского народа к его Монарху (КЛОПШТОК 1868).

Труд Писарева был благосклонно принят ученой общественностью. В 1868 г. в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук состоялось обсуждение посланного в дар экземпляра перевода. Однако сами формулировки обсуждения, зафиксированные в протоколе заседания, и практически полное отсутствие критических откликов на новый перевод свидетельствуют о том, что Клопшток продолжал оста-

ваться автором, которого почитают, но не читают. Так, в протоколе заседания Отделения мы читаем следующее:

Отделение Русского языка и словесности, отношением от 23 марта сего года за № 23 сообщает, что С. И. Писарев принес в дар для библиотеки Академии экземпляр изданного им перевода Мессиады Клопштока (ЗАПИСКИ 1868: 302).

Академик И. И. Срезневский представил собравшимся перевод Писарева:

Как ни мало подходит эта поэма под уровень литературных требований нашего времени, нельзя не порадоваться, по замечанию И. И. Срезневского, что русский перевод ее окончен и издан: он, без сомнения, будет встречен с признательностью теми читателями, которые захотят ознакомиться с произведением поэта, еще мало у нас известного (*ibid.*: 168).

За выраженным в очень мягкой форме замечанием по поводу несоблюдения литературных требований перевода скрывается отсутствие интереса к Клопштоку и незнание оригинала. Несоблюдение размера подлинника (Писарев переводит эпопею четырехстопным амфибрахием) обращает на себя внимание при прочтении самых первых строк эпопеи, а ведь переводы гекзаметром *Илиады* и *Одиссеи* были уже опубликованы и популярны. Вольности и отступления, которые позволил себе переводчик при переложении оригинала, не упоминаются, по всей видимости, именно потому, что эпопея Клопштока и полный прозаический перевод, напечатанный в 1820 г., не входит в круг активного чтения: поэт относится к авторам, «еще мало у нас известным» (*ibid.*: 168).

Если сопоставить оригинал второй песни *Мессиады*, перевод Жуковского, в котором опущены некоторые детали, и перевод Писарева, то можно заметить, что Писарев позволил себе значительно расширить описание Аббадоны, предающегося воспоминаниям о днях, когда он еще не был изгнан из числа ангелов Света.

Так, в оригинале мы читаем:

Unten am Throne saß einsiedlerisch, finster und traurig
Seraph Abdiel Abbadona. Er dachte die Zukunft
Und den Vergang voll Seelenangst. Vor seinem Gesichte,

Das in traurendes Dunkel, in schreckliches, Schwermuth hüllte,
Sah er Qualen gehäuft auf Qualen zur Ewigkeit eingehn.
Jetzo erblickt' er die vorige Zeit; da war er voll Unschuld,
Jenes erhabneren Abdiel's Freund, so den Tag der Empörung
Eine strahlende That vor Gottes Auge vollführte.
Denn er verließ die Empörer allein und unüberwindlich,
Kam zu Gott (KLOPSTOCK 1879).

Жуковский сокращает оригинал на одну строку:

Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален серафим Аббадона. Печальной
Мыслью бродил он в минувшем: грозно вдали перед взором,
Смутным, потухшим от тяжкия тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности бездна. Он вспомнил
Прежнее время, когда он, невинный, был друг Абдиила,
Светлое дело свершившего в день возмущенья пред богом:
К трону владыки один Абдиил, не прельщен, возвратился (ЖУ-
КОВСКИЙ 1959).

Девять строк оригинала Клопштока превращаются у Писарева в 22 строки, хотя, по сути, к содержанию не добавляется ничего нового:

Внизу, подле трона, задумчив, угрюм,
Поникнув печально челом, одиноко
Сидел Серафим Абдиил-Аббадонна.
Он думал о будущем грозном своем,
В душе содрогаясь невольно от страха.
Пред ним проносилось, как будто в тумане,
Минувшее все, пережитое им.
На мрачном и грустном челе Серафима
Тоски безнадежной лежала печать;
Пред взором его, истомленным печалью,
Носились, как тени, за муками муки, —
Сливались с вечностью эти виденья.
Припомнил теперь он блаженное время.
Когда еще чист был, невинен душою
И другом великаго был Абдиила,
И как, в день возстанья, великое дело
Свершил пред лицом он Создателя мира,
Мятежников бросив, решился остаться
Один; непреклонно опять возвратился

Под кров милосердный Всесильного Бога
И с тем Серафимом, великим душою,
Казалось, избегнул врага Иеговы (КЛОПШТОК 1868: 57-58).

Повествование у Писарева не теряет плавности и гладкости, чтобы заметить добавление к оригиналу, надо хорошо знать его содержание, но об отклонениях от оригинального текста в устной рецензии И. И. Срезневского ничего не говорится. Кроме того, в тексте нередко встречаются опечатки, он недостаточно вычитан.

Косвенным подтверждением невысокого качества перевода может служить также отклик на другой труд С. И. Писарева. В 1871 г., вероятно, также на собственные средства Писарев печатает перевод *Потерянного рая* Мильтона, который был значительно более известен в России, нежели *Мессиада* Клопштока. Как мы помним, до Писарева *Потерянный рай* переводили уже не менее шести раз.

В 1859 г. появился первый стихотворный перевод поэмы Мильтона авторства Е. Жадовской, о котором очень неслестно отозвался Н. А. Добролюбов. Он порицает компилятивность этой работы, написанной по мотивам существующих прозаических переложений, и с горечью замечает: «считаем справедливым заметить, что ее “Потерянный рай” — есть явление весьма невзрачное в русской литературе» (ДОБРОЛЮБОВ 1987). Возможно, Писарев хотел представить более удачный (и полный!) перевод, но отзывы критиков не отличались благосклонностью: *Потерянный рай* в России в отличие от *Мессиады* знали хорошо. Так, в рубрике «Литературные известия» журнала «Филологические записки» за 1871 г. сообщается об издании классической поэмы Мильтона *Потерянный рай* в новом стихотворном переводе С. Писарева. Анонимный автор сообщения попутно отмечает, что перевод вышел весьма своевременно, поскольку из последних полных переводов в распоряжении читателей имелся только перевод А. Зиновьева, который «отличается прозаической, крайне сухой и нередко тяжелой передачей высокопоэтического творения» (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ 1871: 16). Однако буквально через пару строк указываются недостатки перевода:

Каково же было наше удивление, когда мы встретили в книге Писарева крайне небрежную, топорную передачу Мильтона, гораздо менее дающую понятие о нем, чем даже проза г. Зиновьева. Неряшливость издания превосходит всякое вероятие: достаточно сказать, что в первых 10 стр. поэмы мы насчитали 123 самые грубые опечатки, делающие чтение этой полуграмотной книги совершенно невозможным (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ 1871: 16).

Современные исследователи не относят *Потерянный рай* в переводе Писарева к основным, нередко вообще не упоминают о факте его существования (АНИКСТ 1982; ТРЕТЬЯКОВА 2012; БОРТНИКОВ 2019). Вероятно, более внимательное чтение перевода *Мессиады* также могло вызвать вопросы к автору переложения и критику выбранной С. И. Писаревым стратегии перевода.

След Сергея Ивановича Писарева теряется в истории, неизвестна даже дата его смерти. Его перевод *Мессиады* в последующие годы также оказывается вне поля зрения критиков и становится фактом истории литературы.

4. Заключение

В статье предпринята попытка систематизации разрозненных фактов, связанных с полным стихотворным переводом религиозной эпопеи Клопштока в России. Усердный труд С. И. Писарева, в одиночку переведшего все двадцать песен поэмы, не изменил отношения к *Мессиаде* Клопштока, сложившегося к середине XIX в. Однако он заслуживает непротиворечивого упоминания и уточнения сведений о самом переводе и его авторе.

Парадоксальность ситуации, сложившейся вокруг имени Клопштока в России, состоит в том, что в формировании литературной репутации немецкого поэта и его произведений значительную роль сыграли негативные факторы: несвоевременная встреча с читателем, запоздалая публикация первых фрагментарных переводов и некомпетентное введение произведений Клопштока в учебные программы образовательных учреждений. Единодушное признание немецкого поэта великим автором XVIII в. и связанное с его именем «школьное бессмертие» скрывают отсутствие живого читательского и исследовательского внимания к творчеству Клопштока. Лишь изменения в литературоведении XX в., позволившие филологическим исследованиям выйти на качественно иной уровень, вновь послужат к

пробуждению более пристального интереса российских ученых к творчеству Клопштока.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аникст А. А.* Джон Мильтон и его поэма «Потерянный Рай» // Мильтон Джон. Потерянный Рай / пер. с англ. А. Штейнберга. М.: Художественная литература, 1982. [Anikst, Aleksandr A. (1982) Dzhon Mil'ton i ego poema "Poteryannyu Ray" (John Milton and His Poem "Paradise Lost"). In: *Mil'ton Dzhon. Poteryannyu Ray* (Milton John. Paradise Lost). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Бобров С. С.* Рассвет полночи. Херсонида: в 2 тт. Т. 2. / подг. В. Л. Коровина. М.: Литературные памятники, 2008. С. 218. [Bobrov, Sergey. (2008) *Rassvet polnochi. Khersonida* (Dawn of Midnight. Chersonida). In 2 vols. Moscow: Literaturnyye pamiatniki. (In Russian)].
- Бортников В. И., Волегова Т. И.* Советский перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» и иллюстрации к ней Гюстава Доре: эволюция контекстных интерпретаций // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 1: проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 4 (192). С. 95—105. [Bortnikov, Vladimir I. & Volegova, Tatyana I. (2019) Sovetskiy perevod poemy Dzh. Mil'tona "Poteryannyu ray" i illiustratsii k ney Gyustava Dore: evolyutsiya kontekstnykh interpretatsiy (Soviet Translation of J. Milton's Poem "Paradise Lost" and Illustrations to it by Gustave Doré: the Evolution of Contextual Interpretations). *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta* (News of the Ural Federal University), vol. 25, no. 4 (192), 95—105. (In Russian)].
- Ботникова А. Б.* Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. Вып. 3 / ред. М. И. Воропанова. Красноярск: Красноярский гос. педагогический ин-т, 1976. С. 16—32. [Botnikova, Alla B. (1976) Vospriyatiye tvorchestva Klopstocka v russkoy literature yego vremeni (Perception of Klopstock's Work in Russian Literature of His Time). In: Voropanova, Marianna I. (ed.) *Tipologiya i vzaimosvyazi v russkoy i zarubezhnoy literature* (Typology and Interrelationships in Russian and Foreign Literature), vol. 3. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute, 16—32. (In Russian)].
- Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. М.: Семеновская типо-лит. И. Ефрона, 1892. [Vengerov, Sergey A. (1892). *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i*

- uchenykh (Critical-Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists). Moscow: Semenovskaya tipo-litografiya I. Efrona. (In Russian)].
- Данилевский П. Ю. Германо-русские литературные связи // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь / ред. Т. В. Вольская. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 50—55. [Danilevskiy, Rostislav Yu. (2008) Germano-russkiye literaturnyye svyazi (German-Russian Literary Connections). In: Volskaya, Tatyana V. (ed.) *Russko-evropeyskiye literaturnyye svyazi. Entsiklopedicheskiy slovar'* (Russian-European Literary Connections. Encyclopedic Dictionary). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Данилевский П. Ю., Коренева М. Ю. Немецкая литература в русских переводах // История русской переводной художественной литературы 1800—1825 / ред. В. Е. Багно. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 175—374. [Danilevskiy, Rostislav Yu. & Koreneva, Mariya Yu. (2022) Nemetskaya literatura v russkikh perevodakh (German Literature in Russian Translations). In: Bagno, Vsevolod Ye. (ed.) *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury 1800—1825* (History of Russian Translated Fiction 1800—1825). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)].
- Добролюбов Н. А. «Потерянный рай». Поэма Иоанна Мильтона... / пер. Е. Жадовской // Собрание сочинений в 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии 1859. М.: Художественная литература, 1987. [Dobrolyubov, Nikolay A. (1987) “Poteryannuyu ray”. Poema Ioanna Mil'tona (“Lost Paradise.” Poem by John Milton). In: *Sobraniye sochineniy v 3 t. T. 2. Stat'i i retsenzii 1859* (Collected Works in 3 vols. Vol. 2. Articles and Reviews 1859). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Жуковский В. А. Аббадона // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести. М.: Художественная литература, 1959. С. 231—236. [Zhukovskiy, Vasiliy A. (1959) Abbadona (Abbadon). In: *Sobraniye sochineniy v 4 t. T. 2. Ballady. Poemy i povesti* (Collected works in 4 vols. Vol. 2. Ballads. Poems and Stories). Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)].
- Записки Императорской академии наук. Т. 13. Кн. 1. СПб.: Императорская Академия Наук, 1868. [Zapiski Imperatorskoy akademii nauk. (1868) (Notes of the Imperial Academy of Sciences). Vol. 13. Book 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Жизнь Клопштока // Московский журнал. 1792. Т. 6. С. 74—98. [Karamzin, Nikolay M. (1792) Zhizn' Klopshtoka (The

- Life of Klopstock). *Moscow Journal*, vol. 6, 74—98. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Евгений и Юлия // Детское чтение для сердца и разума. Ч. XVIII. 1789. [Karamzin, Nikolay M. (1789) Evgeniy i Yuliya (Evgeniy and Yulia). In: *Children's Reading for Heart and Mind*, 18. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. [Karamzin, Nikolay M. (1984) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* (Letters of a Russian Traveler). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Катенин П. А. Неизвестному. 1 февраля 1831 г. Шаево // Размышления и разборы. М.: Искусство, 1981. С. 309—310. [Katenin, Pavel A. (1981) Neizvestnomu. 1 fevralya 1831 g. Shaevo (To the Unknown. February 1, 1831 Shaevo). In: *Razmyshleniya i razbory* (Reflections and Analysis). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб.: Алетейя, 2020. [Kafanova, Olga B. (2020) *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyy universum* (Translations of N. M. Karamzin as a Cultural Universe). Saint Petersburg: Aleteya. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г. Мессия / пер. с нем. А. Кутузова. М.: Типографическая компания, 1785/1787. [Klopshtok, Fridrikh G. (1785/1787) *Messiya* (The Messiah). Moscow: Tipograficheskaya kompaniya. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г. Мессиада / Сочинения Клопштока / пер. Сергея Писарева. Ч. 1-3. СПб.: Кораблев и Сиряков, 1868. [Klopshtok, Fridrikh G. (1868) *Messiada* (The Messiah). In: *Sochineniya Klopshtoka* (Klopstock's Works). Parts 1-3. Saint Petersburg: Korablyov & Siryakov. (In Russian)].
- Кононко Е. Н. Рукописи Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 83—84. [Kononko, Elena N. (1972) Rukopisi Derzhavina v Tsentral'noy nauchnoy biblioteke USSR (Derzhavin's Manuscripts in the Central Scientific Library of the Ukrainian SSR). *Russkaya literatura* (Russian Literature), 3, 83—84. (In Russian)].
- Лурье С. А. Литератор Писарев: Роман. М.: Время, 2014. [Lurye, Samuil A. (2014) *Literator Pisarev: Roman* (Writer Pisarev: Novel). Moscow: Vremya. (In Russian)].
- Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mikhailov, Aleksandr V. (2000) *Obratnyy perevod. Russkaya i zapadno-yevropeyskaya kul'tura: problemy vzaimosvyazey* (Reverse Translation. Russian and Western European Culture: Problems of Interrelationships). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].

- Писарев Д. И. Статьи 1864—1865. М.: Художественная литература, 1956. [Pisarev, Dmitriy I. (1956) *Statyi 1864—1865 (Articles 1864—1865)*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1866. [*Pis'ma N. M. Karamzina k I. I. Dmitriyevu* (Letters from N. M. Karamzin to I. I. Dmitriev). (1866). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Пуришев Б. И. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т. 5 / ред. А. В. Луначарский. М.: Коммунистическая академия, 1931. Стб. 312—318. [Purishev, Boris I. (1931) Klopshtok (Klopstock). In: Lunacharskiy, Anatoliy V. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya* (Literary Encyclopedia). Moscow: Kommunisticheskaya akademiya, col. 312—318. (In Russian)].
- Радищев А. Н. Памятник дактилохореическому витязю // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 199—221. [Radishchev, Aleksandr N. (1941) Pamyatnik daktilokhoreicheskomu vityazyu (Monument to the Dactylochoreic Knight). In: Radishchev, Aleksandr N. *Sobraniye sochineniy* (Collected Papers). Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)].
- Розанов И. Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. [Rozanov, Ivan N. (1990) *Literaturnyye reputatsii* (Literary Reputations). Moscow: Sovetskiy pisatel' (The Soviet Writer). (In Russian)].
- Третьякова Е. А. Перевод в диахронии (на материале разновременных переводов поэмы Дж. Мильтона «Paradise Lost») // Известия Российского гос. педагогического ун-та им. А. И. Герцена. 2012. № 149. С. 87—95. [Tret'yakova, Elena A. (2012) *Perevod v diakhronii (na materiale raznovremennykh perevodov poemy Dzh. Mil'tona "Paradise Lost")* (Translation in Diachrony (Based on the Material of Different Translations of J. Milton's Poem "Paradise Lost")). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 149, 87—95. (In Russian)].
- Урываев А. И. Отрывок из Клопштоковой Мессиады шестой песни // Друг юношества. 1812. Май. С. 70—75. [Uryvayev, Adeksandr I. (1812). *Otryvok iz Klopshtokovoi Messiady shestoy pesny* (Excerpt from Klopstock's Messiah of the sixth canto). *Friend of Youth*, 70—75. (In Russian)].
- Усов П. С. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский): его жизнь и литературная деятельность. М.: Изд. М. О. Вольф, 1896. [Usov, Petr S. (1896) *Pavel Ivanovich Mel'nikov (Andrey Pecherskiy): yego*

zhizn' i literaturnaya deiatel'nost' (Pavel Ivanovich Melnikov (Andrey Pecherskiy): His Life and Literary Activity). Moscow: M. O. Wolf. (In Russian)].

Уц И. П. Новая наука наслаждаться жизнью: Поэма в четырех письмах. М.: В Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1799. [Uts, Iogann. (1799) *Novaya nauka naslazhdat'sya zhizniyu: Poema v chetyrekh pis'makh* (The New Science of Enjoying Life: A Poem in Four Letters). Moscow: V Universitetskoy tipografii u Ridigera i Klaudiya. (In Russian)].

Klopstock, Friedrich G. (1879) *Werke*. Bd 1. Der Messias. Berlin: Hempel.

Vera G. Sibirtseva

National Research University Higher School of Economics

***The Messiah and Other Works by Klopstock in Russia:
Difficult Path to the Reader***

The article analyzes how the reception of F. G. Klopstock's works depends on the timing of their translations into Russian. Klopstock was an outstanding German sentimental poet of the 18th century. His name was known to his contemporaries and immediate descendants. However, his epic *The Messiah* and his lyrical texts were rarely translated. During the analysis it turns out that Klopstock finds himself in the situation of an untimely encounter with the reader. This is due to various factors, particularly censorship and the popularity of other genres. In the 1920s, Russian readers' interest in Klopstock waned. After almost 50 years, a new poetic translation of his religious epic appears unexpectedly. The author of this adaptation is Sergey I. Pisarev, the uncle of a famous critic Dmitriy I. Pisarev. The article systematizes and clarifies information about the author of the translation. The reasons for the lack of reviews for this translation are identified. The translations by Vasilij Zhukovskiy and Sergey Pisarev are also compared. It turns out that Pisarev's work was not carefully read even in scientific circles. Based on these facts, a conclusion is made about the uniqueness of the situation in which Klopstock's work found itself in Russia at that time. The German poet becomes an author whose name is included in the compulsory list of educational institutions; he is unconditionally recognized as outstanding. At the same time, there are records in the memoirs and memoirs of famous people of the 19th century, in which the authors write with regret about the difficulty of Klopstock's texts and the boredom that grips students when reading his works. In Russia, Klopstock becomes a poet who, according to Ivan Rozanov, "has achieved book

immortality,” although the inclusion of an author in the ranks of the greats goes hand in hand with ignorance of his works.

Keywords: Klopstock; sentimentalism; *The Messiah*; Sergey Pisarev; *The Lost Paradise*

Для цитирования:

Сибирцева В. Г. Мессиада и другие произведения Клопштока в России: непростой путь к читателю // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 448—468.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-448-468.

To cite this Article:

Sibirtseva, Vera G. (2024) *Messiada i drugiye proizvedeniya Klopshtoka v Rossii: neprostoy put' k chitatelyu (The Messiah and Other Works by Klopstock in Russia: Difficult Path to the Reader)*. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 448—468. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-448-468.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; принята к публикации 29.04.2024

The article was submitted 28.02.2024; accepted for publication 29.04.2024